

В тот день после ухода Вэй Цзи Цзян Янь сыграл три партии: две выиграл, одну проиграл и остался очень доволен.

Вэй Цзи принялся аккуратно наносить краску на маленькие фигурки. Цвета для теневых театров имели важнейшее значение: стоило ошибиться, и изображение получилось бы грубым и невыразительным.

На одно лишь раскрашивание у Вэй Цзи ушло дней пять или шесть.

Цзян Янь не мог выносить, когда тот целыми днями сидел запершись, и то и дело вытаскивал его наружу, чтобы дать глазам отдохнуть.

Глаза-то отдыхали, но тело жутко уставало — занятия, которые любил Цзян Янь, требовали немалых физических сил.

Сегодня стояла на редкость ясная погода. Это был самый солнечный день с начала зимы, и красные сливы на фоне вечерней зари выглядели исключительно живо и чарующе.

Оседлав своего любимого скакуна, Цзян Янь подряд поразил больше десятка мишеней на стрельбище. Обернувшись, он увидел, что Вэй Цзи, уткнувшись носом в бумагу, усердно пишет и даже не смотрит в его сторону.

Лицо Цзян Яня тут же потемнело. Он развернул коня и галопом поскакал обратно к Вэй Цзи.

Хотя солнце светило ярко, в налетевшем ветерке чувствовалась ледяная нотка. Он раскачивал ветви алых слив, заставляя их шуметь, и сорванные лепестки кружась падали на подол одежды Вэй Цзи.

О тех безумствах, что творила вдовствующая императрица, Вэй Цзи был кое-какой наслышан, вот только он не хотел, чтобы Цзян Янь запятнал свою репутацию.

Законный наследник годами страдал от недугов, приковавших его к постели, и скончался в пятнадцатилетнем возрасте, после чего нынешний государь успешно вошел на престол.

Но после слов Цзян Яня Вэй Цзи лишь смущенно забормотал, не в силах выдать из себя ни слова.

Если рассуждать по справедливости, в его поступке не было ничего предосудительного, но ведь он — наследный престол, и каждое его слово, каждый шаг находятся под пристальным взглядом всего Поднебесной.

Вэй Цзи ничего не ответил и послушно последовал за Цзян Янем греться у очага.

Вернувшись вечером в поместье маркиза, он просидел за работой почти до половины ночи и наконец переписал два свитка с молитвами о даровании благополучия, а на следующий день принес их в Восточный дворец.

За прошедшие годы вдовствующая императрица натворила немало бед, но поскольку сыновняя почтительность стояла превыше всего, даже самому императору приходилось лишь терпеть.

Ощувив его ледяные пальцы, Цзян Янь рассердился: — Почему у тебя такие холодные руки?

Вэй Цзи испугался: — Ваше Высочество, подбирайте слова.

Вэй Цзи произнес: — Если Ваше Высочество и впрямь не желает видеть вдовствующую императрицу, можете не ездить туда. Пусть кто-нибудь передаст во дворец эти два свитка с буддийскими сутрами, сказав, что их переписали вы сами.

На листе длиной чуть больше фута Вэй Цзи выводил миниатюрные иероглифыстиля сяокай. Пока Цзян Янь упражнялся в стрельбе из лука и верховой езде, он уже исписал добрую половину бумаги.

В конце правления покойного императора государственная казна опустела, а придворные кланы захватили власть в свои руки, оставив отцу Цзян Яня тяжелое наследие.

Не говоря уже о том, что вдовствующая императрица обладала высочайшим статусом, даже в простой семье подобные речи сочли бы величайшим преступлением и нарушением человеческой морали.

В Дайюне почитали сыновнюю почтительность. Сейчас вдовствующая императрица тяжело болела, а наследник не удосужился навестить ее во дворце и продолжал целыми днями кататься верхом и развлекаться в Восточном дворце. Если бы об этом прознали цензоры, Цзян Яня вполне могли подвергнуть импичменту.

Цзян Янь пропустил его слова мимо ушей. Между его бровей залегла складка, и он с трудом прочел пару мудреных строк с бумаги.

Цзян Янь усмехнулся, протянул руку и поднял Вэй Цзи на ноги: — Хватит писать. Вместо того чтобы тратить время на это, лучше потренируйся со мной в фехтовании.

Такие упреки привели Вэй Цзи в полное замешательство, и он не знал, что ответить.

Цзинь Жуйфу оказался на редкость заботливым: он подошел и бережно убрал бумагу, и только увидев это, Вэй Цзи наконец успокоился.

Эти родственники императрицы по материнской линии и были тем самым влиятельным кланом.

Тень упала сверху, накрывая с головой. Вэй Цзи поднял взгляд и окликнул Цзян Яня.

Цзян Янь тащил Вэй Цзи за собой вперед, а тот то и дело поворачивал голову, с тревожным видом глядя на лежавшие на столе буддийские сутры.

Услышав это, Цзян Янь бросил взгляд на исписанный лист и лишь тогда заметил, что Вэй Цзи старательно скопировал его почерк, просто уменьшив размер иероглифов.

Вэй Цзи потер замерзшие докрасна руки и, нерешительно глядя на него, помолчал немного, прежде чем произвести: — До меня дошли слухи, что вдовствующая императрица заболела. Я подумал, что мог бы от вашего имени переписать несколько сутр, чтобы помолиться о ее здравии.

Это были буддийские сутры.

Глядя на два свитка, сплошь исписанных мелким текстом, Цзян Янь почувствовал себя так, будто проглотил раскаленный уголь.

Вэй Цзи вздрогнул, и затрепетавшие ресницы скользнули по ладони Цзян Яня.

Однако Цзян Янь вовсе не собирался потакать ей: за весь год она едва ли пару раз справлялась о ее здоровье, и каждый раз он встречал ее далеко не ласковым взглядом.

— Перестань писать. — Цзян Янь выхватил кисть из рук Вэй Цзи и небрежно швырнул ее в сторону. — Тратить силы и утруждать руки ради нее не стоит...

На этот раз, когда вдовствующая императрица тяжело заболела, Цзян Янь ел и пил ровно столько же, сколько и всегда.

Отец Цзян Яня сумел повернуть вспять бушующие волны и спасти рушащуюся громаду государства. Пробыв на троне чуть больше десяти лет, он искоренил все скрытые угрозы и вернул качнущуюся на ветру династию на верный путь.

Пальцы, сжимавшие кисть, порядком озябли. Вэй Цзи шумно выдохнул на них воздух, обмокнул кончик кисти в тушь и продолжил выводить иероглифы на бумаге.

Будучи компаньоном наследника, Вэй Цзи при возникновении подобных обстоятельств был обязан разделять его заботы — таково было его прямое предназначение.

— Ты... — Уши Цзян Яня мгновенно покраснели. Приняв невероятно самодовольный вид, он тем не менее горделиво задрал подбородок. — Почему ты вечно думаешь только о том, как бы мне угодить?

Нынешняя вдовствующая императрица не приходилась Цзян Яню родной бабушкой, и их отношения всегда оставляли желать лучшего.

Цзян Янь сначала собирался позвать Вэй Цзи на тренировку с мечом, но, увидев, как тот продрог, был вынужден вернуться и велеть приготовить для него миску горячего супа.

Цзян Янь прекрасно понимал все доводы, но склонить голову перед этой старой ведьмой было выше его сил.

Во времена правления покойного императора тот был одержим поисками бессмертия и не отличался плодовитостью: у него родилось всего два сына. Одним был нынешний государь, а вторым — законнорожденный царевич, рожденный вдовствующей императрицей.

Цзян Янь неожиданно поднял руку и закрыл глаза Вэй Цзи. Сглотнув застрявший в горле ком, он глухо произнес: — В Поднебесной не бывает неправых родителей — тот, кто придумал эти слова, просто мерзавец.

Кончики пальцев Цзян Яня слегка дрогнули, он наклонился и прижался лбом ко лбу Вэй Цзи, продолжая обвинять: — Она подсунула моему отцу свою собственную племянницу в надежде, что та родит принца и заменит меня, а ты хочешь, чтобы я отправлял ей сутры?

Цзян Янь спросил: — Зачем ты это пишешь?

Покрасневшие от усталости глаза Вэй Цзи весили куда больше конфуцианских представлений о сыновней почтительности и звучали оглушительнее любых упреков со стороны цензоров. Цзян Янь молча поджал губы.

Когда император еще не прочно сидел на троне, она объединилась с влиятельными родственниками, чтобы подавить императорскую власть. Разве император стерпел и это унижение?

И всё из-за той самой фразы: добродетель сыновней почтительности превыше всего остального.

Даже несмотря на то, что вдовствующая императрица не была его биологической матерью, император все равно был накрепко связан цепями сыновнего долга и не смел ее наказывать.

Вэй Цзи невольно вспомнил свою бабушку. В прошлом году, когда она болела, он тоже переписал множество сутр и сжигал их в молельне, вымаливая для нее исцеление.

Во время письма Вэй Цзи то и дело ловил себя на том, что вспоминает сцены, в которых та жестоко обращалась с его матерью.

Пламя свечи трепетало под порывами ветра из окна, и в душе Вэй Цзи царил полный беспорядок — этот свиток он писал урывками, растянув работу надолго.

Человеческая мораль твердила, что сыновняя почтительность превыше всего, но на сердце было тяжело.

Поэтому он никогда не сближался с бабушкой и не любил упоминать перед отцом о своей матери.

И вот теперь кто-то говорит ему, что фраза о том, что неправых родителей не бывает — сушая чушь. Потрясение, испытанное Вэй Цзи от этих слов, было трудно передать словами.

Неизвестно, когда именно рука Цзян Яня отстранилась, но глаза Вэй Цзи открылись. Он опустил ресницы, и та самая родинка казалась готовой сорваться вниз, превратившись в единственную слезинку.

Сердце Цзян Яня пропустило удар, и он сам не заметил, как бережно обхватил его лицо, подавшись вперед и приблизив свои губы.

В тишине покоев время словно замедлило свой ход.

Цзян Янь вторгся в поле зрения Вэй Цзи, коснулся кончика его носа, слегка приоткрыв губы, словно собираясь накрыть ими чужие.

Зрачки Вэй Цзи затрепетали. Глядя на оказавшегося совсем близко Цзян Яня, он ощутил в голове абсолютную пустоту.

В этот самый момент из-за дверей донесся невнятный детский голосок, и створки парадного входа отворились с легким толчком.

Холодный ветер, ворвавшийся внутрь, мгновенно привел Вэй Цзи в чувство, и он, вспыхнув до корней волос, отвернулся.

В комнату вошла маленькая девочка в зимнем наряде цвета нежно-розового лотоса. Личиком она походила на фарфоровую куколку и, едва переступив порог, тут же бросилась к Цзян Яню.

— Дядя, на ручки!

Цзян Янь поморщился и с кислым выражением лица подхватил ее на руки.

Объятия вышли крайне формальными, что явно не устроило маленькую княжну Чжао Вэнь. Протянув пухлые ручонки, она забормотала: — Еще раз на ручки.

Цзян Янь вовсе не собирался ей потакать: — Не возьму.

Княжна надула губки и легонько шлепнула Цзян Яня: — Плохой дядя.

Угомонив Цзян Яня, она живо подбежала к Вэй Цзи, захлопала своими большими выразительными глазами и приняла позу просящего.

Вэй Цзи торопливо подхватил маленькую княжну на руки, но, натолкнувшись на полный обиды взгляд Цзян Яня, смущенно отвернулся, прикрывая девочку собой.

Только что... Цзян Янь что же, собирался его поцеловать?

При воспоминании об этом мимолетном, едва уловимом касании губ сердце Вэй Цзи застучало как безумное.

Княжна склонила голову набок и с любопытством уставилась на Вэй Цзи: — Почему у тебя такие красные щеки? Ты заболел?

Вэй Цзи растерянно отвел глаза: — Н-нет, не заболел.

Княжна обхватила Вэй Цзи за шею ручками и неожиданно прижалась всем телом, дважды потеревшись щекой о его щеку, совсем как котенок.

Она ластилась к нему, пытаясь разжалобить: — Воздушного змея, которого ты сделал в прошлом году, они сломали. Сделай мне нового в этом году, ладно, маленький Вэй?

— И не думай для нее ничего делать! — Цзян Янь ухватил Чжао Вэнь за воротник сзади и перетащил из объятий Вэй Цзи к себе. — Она сама сломала своего змея.

Чжао Вэнь недовольно пихнула Цзян Яня ногой: — Плохой дядя.

— Не брыкайся, ты тяжелая как бочонок.

— Сам ты тяжелый!

Княжна так разозлилась, что ее пухлые щеки надулись до предела, и она принялась напропалую ругаться: — Плохой дядя, плохой дядя!

Чжао Вэнь была дочерью родной сестры Цзян Яня, Цзян Чжэн. Окруженная всевозможной заботой и любовью, она вовсе не росла избалованной, хотя определенные капризы за ней водились.

Заметив, что дядя с племянницей снова затеяли перепалку, Вэй Цзи поспешил взять на себя роль миротворца.

Поскольку Чжао Вэнь была совсем ребенком, Вэй Цзи неизменно уделял ей много внимания и ласковых слов, что порядком разозлило Цзян Яня.

Уставившись на Вэй Цзи, он процедил: — Ты на ее стороне, не на моей?

Какое здесь могло быть деление на стороны? Чжао Вэнь было всего года четыре-пять, разумеется, следовало сначала успокоить ее.

Но, заметив пылающий взгляд Цзян Яня и вспомнив то, как близко он только что к нему наклонялся, Вэй Цзи забежал глазами из стороны в сторону и невнятно пробормотал: — Я... нет.

Цзян Янь не собирался отступаться: — Нет? А зачем ты ее балуешь?

Вэй Цзи предпочел замолчать.

Чжао Вэнь в отместку пнула Цзян Яня. Устроившись своим маленьким задом на его левой руке, она изо всех сил развернулась и намертво вцепилась в шею Вэй Цзи: — Маленький Вэй, возьми меня, не хочу этого вонючего дядю!

Цзян Янь упорно не желал ее отпускать, а Чжао Вэнь крепко держалась за Вэй Цзи, ерзая и пытаясь всеми силами вырваться из чужих объятий.

— Маленький Вэй, возьми!

— Запрещаю брать ее!

Вэй Цзи оказался меж двух огней: и держать было нельзя, и отпустить нельзя.

В разгар этого неловкого противостояния в комнату вошла Цзян Чжэн. Заметив картину, развернувшуюся в покоях, она слегка приподняла изящные брови: — Ого, и что же здесь

происходит?

Воспользовавшись тем, что Цзян Янь отвлекся, Чжао Вэнь ловким толчком отпихнула его и закинула короткие ножки вокруг талии Вэй Цзи.

Опасаясь, как бы девочка не упала, Вэй Цзи тут же подхватил ее снизу, за что немедленно удостоился еще одного выразительного взгляда от Цзян Яня.

Вэй Цзи вжарил голову в плечи.

Княжна, прильнув к Вэй Цзи, радостно позвала: — Матушка.

Цзян Чжэн подошла ближе и легко постучала ее по макушке: — Стоило тебе соскучиться по дяде, как тут же подняла крик, что хочешь приехать, а стоило встретиться — опять за свое.

Стоило экипажу плавно остановиться у Восточного дворца, как Чжао Вэнь выскочила наружу, всю дорогу на ходу выкрикивая «дядя».

Они с Цзян Янем всегда вели себя подобным образом: чем сильнее ругались, тем больше скучали в разлуке. Все вокруг баловали и опекали девочку, и лишь Цзян Янь вечно препирался с ней и отбирал вещи.

И главным предметом их постоянных споров неизменно становился Вэй Цзи.

Удерживая Чжао Вэнь на руках, Вэй Цзи не мог нормально поклониться и был вынужден лишь слегка согнуться в пояснении: — Ваше Высочество.

Цзян Чжэн заметила Вэй Цзи едва вошла, но выжидала, пока он сам подаст голос, чтобы поддразнить его: — И господин Вэй здесь. Ну прямо как нитка за иголкой вы с моим братцем — куда один, туда и другой. Не надоело вам целыми днями околачиваться вместе?

Изначально это прозвище — маленький господин Вэй — дала ему именно Цзян Чжэн. Остальные величали его юным маркизом, но со временем весь Восточный дворец перенял ее манеру обращения, отчего оно звучало куда более близким и теплым, чем у остальных.

В обычное время в этих словах не было ничего особенного, но сейчас Вэй Цзи почувствовал, как щеки обдает жаром, а уши запылали огнем.

<http://bllate.org/book/18661/1799241>